

Светлана Макарчева

МАСТЕР

“СОЛОМОНОВЫХ РЕШЕНИЙ”

Баснетерапия

Светлана Макарчева

**Мастер «соломоновых
решений». Баснетерапия**

«Издательские решения»

Макарчева С.

Мастер «соломоновых решений». Баснетерапия / С. Макарчева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835157-0

В чем секрет «соломоновых решений»? Что роднит и что разнит парадоксальные загадки восточных коанов с деструктивными феноменами double bind? Можно ли перенести приемы разрешения басенных «конфликтов» на реалии повседневной жизни? Исследуя эти вопросы, автор приглашает читателей к увлекательному творческому эксперименту. Книга в равной степени адресована как специалистам-психологам, так и любому человеку, стремящемуся овладеть навыком «схлопывания» конфликтных противоречий в технике баснетерапии.

ISBN 978-5-44-835157-0

© Макарчева С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Вода вводная	7
«Стая товарищей» и «внутренний враг»	7
Рождение метода (в муках)	8
Психология искусства и моделирование мастерства	10
Важнейшее из искусств	10
Моделирование искусства	10
«Всеобщий дедушка»	10
Законы басни	12
Аффективное противоречие	12
«Поляризация» позиций	12
Параллельные планы	13
Катастрофа басни	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мастер «соломоновых решений» Баснетерапия Светлана Макарчева

© Светлана Макарчева, 2016

ISBN 978-5-4483-5157-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*С благодарностью за вдохновение соавтору моего профессионального опыта,
партнеру, коллеге, другу, супругу – Сергею Макарчеву.*

Предисловие

Помните библейскую притчу о суде царя Соломона?

Однажды к Царю Соломону пришли на суд две женщины и принесли с собой ребенка. Они жили в одном доме, и обе недавно стали матерями. Но одна из них задавила своего младенца во сне и подложила его соседке, а чужого, живого – забрала себе. Каждая из них утверждала, что она – настоящая мать ребенка. Чтобы определить, кто из них лжет, а кто говорит правду, Соломон предложил рассечь дитя надвое и отдать каждой по половине. Тогда одна из них взмолилась: «Не рубите ребенка! Лучше отдайте его другой женщине!» Так Соломон определил, кто из женщин – истинная мать. Мать скорее предпочтет отказаться от ребенка, и тем признать себя не правой, лишь бы сохранить младенцу жизнь.

Мудрое и простое решение трудноразрешимого вопроса называют *соломоновым решением*. Кто хотя бы однажды не нуждался в подобной «соломоновой» мудрости? Кто отказался бы от этой возможности – стать хотя бы на миг таким же мудрым «третейским судьей» в собственной жизни? В чем же секрет царя Соломона? Можно ли научиться самому принимать такие решения? Или мудрость сия – есть удел лишь избранных?

Судите сами. С одной стороны, секрет описанной мудрости, как свидетельствует сказание, заключался в особых симпатиях Создателя, даровавшего библейскому царю разум, по просьбе его. А с другой стороны, стоит только приглядеться, и становится вдруг очевидно: мудрость, подобная соломоновой, разложена повсюду – открыто, беспрепятственно, свободно, словно в щедрых ладонях таинственного и доброго Мудреца! В тех же притчах, сказаниях, в трудах выдающихся ученых, в произведениях великих мастеров Слова...

Спору нет, заманчиво поставить задачу, подобную этой – сравниться в мудрости с самим библейским царем! Но не слишком ли самонадеянно? Ответ, как всегда, услужливо подсказывает житейская мудрость: «Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом!» Или вот еще: «Не боги горшки обжигают!»

И все же где-то в глубине души всегда шевелится червь сомнения – вечный спутник познания: ох, неспроста открываются сокровища мудрости лишь избранным! А не тщетны ли претензии простых смертных на Дар Божий? Нет, сокровища потому и зовутся сокровищами, что должны быть надежно сокрыты от алчущих глаз! Нет, не всякий смысл, что лежит на поверхности, откроет жаждущим свои неисчерпаемые глубины!..

А может, разгадка соломоновой мудрости спрятана в библейской легенде? Царь не просил ни богатства, ни побед над врагами, ни прочей корысти. Просил одного: разума. Может, только разумное сердце становится зрячим, способным видеть эту щедро разложенную повсюду мудрость, извлекать из нее эти драгоценные сокровища полезных практических знаний?

Поэтому отбросим без всяких сомнений задачу превзойти в мудрости царя Соломона, равно как и всех прочих ее соискателей! И сосредоточимся на том лишь, чтобы быть открытыми к восприятию этого никем не спрятанного знания, к освоению этого незаслуженно забытого сегодня искусства владения Словом. А уж придет ли вслед за этим мастерство принятия «соломоновых решений», алгоритм которого мы попытаемся здесь разгадать, – решать Мудрецу, дарующему разум.

Глава 1

По закону басни

Вода вводная

Негодных же и бабых басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии!
(1Тим.4:7)¹

Ох, уж эти поиски цитат! Ищешь что-то мудрое, весомое, авторитетное, придающее такой же вес и твоим словам, вдохновляющее и тебя на соответствующее мудрствование. А находишь... то, что находишь. Нет, надо назвать метод как-то по-другому! Притчетерапия? Вроде было. Мифотерапия? Тоже, кажется, занято. Да и что толку? Что миф, что притча – в переводе обратно на греческий – та же басня. А далее – уже по тексту.

И вдруг догадываешься: очередной урок мудрости! очередное испытание на серьезность намерений. Зри в корень! Превращай беду, размолвку, ссору, всякий вообще конфликт в духе «баб базарных» в басню и, тем самым, от них отвращайся! Выпускай раздражающие тебя эмоции, обидные слова, сомнения, колебания на бумагу, воплощай их в остроумные шедевры словесного творчества и... освобождайся от них! Не к тем ли самым выводам приходят мудрецы сегодняшних времен, узревшие родство природы басни с природой самого настоящего конфликта? Не те ли пути «отвращения» от раздоров и распрей предлагают, рассекретив еще и способы? В той же басне ищи механизмы превращения негативного, нездорового, конфликтного в позитивное, доброе, здоровое! Да очищенным от всяческой «скверны», упражняй себя в благочестии!

Так и мне однажды довелось написать свою первую «бабью басню». А поскольку история завершилась основанием нового и вполне дееспособного метода, думаю, есть смысл рассказать о ней поподробнее. Но для начала несколько благодушных, как и положено по успешному избавлению от накопленного конфликтного материала, размышлений вслух.

«Стая товарищей» и «внутренний враг»

Кто хоть раз не испытал состояние конфликта? Пожалуй, лишь тот, кто никогда не вступал в отношения с людьми. Кто не ведает внутренних борений в преддверии важных решений? Пожалуй, лишь тот, кто никаких решений не принимал. Кто хоть раз не испытал это желание – плыть против течения (или подчиниться волне убаюкивающего конформизма)? Кто хоть раз, хотя бы мысленно, не ставил себя перед выбором: согласиться с подавляющим мнением большинства или поддаться самоутверждающей силе индивидуальности? Лишь тот, кто не ведал ни собственного «Я», ни своей принадлежности к общности множества «Я», единящихся в «Мы»

Конфликтные ситуации в коллективе – тема старая, как мир. Ну, или как самый первый в мире коллектив. История умалчивает, какие именно виды начали сбиваться в стаи первыми. Да суть и не в этом. Важно то, что чем теснее сближаются индивиды, тем вероятнее возникновение между ними вспышек агрессии, подобных тем, что возникают между заряженными частицами. Это закон. И как всякий закон природы, его можно лишь принимать как данность. А еще лучше – и понимать, и использовать во благо.

¹ Новый Завет. Первое послание Святого Апостола Павла к Тимофею.

А самое интересное – то, что закон этот, похоже, универсален и всеобщ, хотя противостояния могут быть самыми разными:

- противостояние личности и коллектива,
- противостояние личности и другой личности,
- и даже противостояние личности самой себе, своему, как говорится, собственному «внутреннему врагу»! И это тоже закономерно: чем сложнее и многограннее становилась в процессе эволюции личность, тем многочисленнее становился ее внутренний «коллектив». А где коллектив, там и плюрализм разных мнений. Там и прения, и стычки по мировоззрениям.

Рождение метода (в муках)

И все же конфликт – состояние некомфортное. Естественно желание избегать некомфортного. Естественно – стремление к комфорту. И, конечно, естественно пользоваться проверенными в этом деле методами. Кому что привычнее: кому – одержать несокрушимую победу над врагом, кому – найти в споре приемлемый компромисс, кому – сбежать с поля брани, воздвигнув перед обидчиком непроницаемый психологический барьер, но надолго заморозив во времени и свою собственную активность...

Последнее, без всякого снисхождения, обо мне. И вот, что самое неприятное – что-то ситуации вокруг меня стали в последнее время повторяться. Раз за разом они втягивали меня в описанный выше сценарий развития конфликта. Тексты и даже персонажи – всё словно под копирку, по шаблону, и сами сюжеты – как по нотам! И как остро ощущалась тогда нехватка той библейской соломоновой мудрости, дарующей способность одним лишь движением мысли «разрубить» этот узел трудноразрешимых проблем!

Вот в состоянии одного из таких, уже набивших оскомину «сюжетов» мне попала в руки книга «Психология искусства» Л. С. Выготского (слово о мастере – еще впереди). Чтение текста на отвлеченную, казалось бы, тему действовало как бальзам! Да! – была первая мысль, – дело именно в отвлеченности! А еще – в особом удовольствии от соприкосновения с личностью автора!

Всё так. Но было еще и содержание. А речь шла об «анатомии» и «физиологии» басни, о законах эстетического восприятия этого особого литературного жанра. И вот эти-то законы оказались для меня настоящим открытием! Ибо описывали они не что иное, как, по моему глубочайшему убеждению, разгадку той самой соломоновой мудрости! И все это – с разбором творчества еще одного великого мастера Слова, любимого с детства баснописца! А поэтому не опробовать тут же, на деле, действие открытых автором законов, да к тому же имея наготове свежую, животрепещущую тему, было бы просто непростительно!

Так родилась на свет первая басня. Сам акт творчества оказался настолько целительным, что мне не скоро удалось «отвратиться» от этой первой своей «бабьей басни». Оказалось, что над этой творческой переработкой раздражающего меня прежде конфликтного материала можно было просто хохотать до упаду! Можно просто наслаждаться и заряжаться, как от аккумулятора, этими неожиданно извлеченными из состояния «войны» положительными эмоциями!

Забавно, что реально существующий в моей жизни конфликт, оставленный на тот момент без разрешения, вдруг утратил для меня всякую значимость. Что же касается конкретных его перипетий, то они как-то разрешились уже сами собой, без моего участия. Мне не пришлось даже ничего делать – ничего из того, что делать мне, в общем-то, и не свойственно.

А самым забавным оказалось то, что очень скоро эти самые конфликтные ситуации посыпались на меня, словно из рога изобилия! И Музы, дарующие вдохновение, стали стучаться в мое окно чуть ли не каждую неделю! И «отвращаться» от очередных своих «бабьих басен» (а потому и не застревать надолго в состоянии конфликта) получалось уже все быстрее.

И были эти ситуации уже самыми разнообразными, и не было в них ничего уже шаблонного! А найденные с помощью «закона басни» решения требовали от меня уже самых разных способов действия в реальной жизни: мне то приходилось идти напролом, то отступить, то находить новые формы сотрудничества, то идти на мировую...

И самое главное, этот опыт был для меня уже *просто опытом*. Просто радостью взаимодействия с самой Жизнью, вступив в которое, только и можно испытать ее вкус!

Так в моем арсенале средств избавления от состояния конфликта появился еще один, подсказанный тремя мудрецами, способ, который стал вскоре и *методом разрешения конфликтных ситуаций*, чем, как оказалось, можно еще и делиться. Но прежде, чем начать это делать, хочу предложить вам после вводной этой «воды» сделать несколько живительных глотков уже из первоисточника.

Психология искусства и моделирование мастерства

Важнейшее из искусств

«Век высоких технологий», как мы стали гордо именовать то ли век двадцатый в последние его десятилетия, то ли двадцать первый, предусмотрительно употребляя в обиход еще и «технологии будущего», привнес свою философию практически во все сферы человеческой жизнедеятельности. Высокие технологии пришли не только в бизнес, производство, телекоммуникации, но и в такие традиционно «человечные» области, как психология, психотерапия, образование, даже творчество! Отныне основным технологическим процессом самосовершенствования (а также «важнейшим из всех искусств») стало для нас моделирование! Моделирование эффективных способов поведения – коммуникативного, управленческого, предпринимательского... Моделирование мастерства выдающихся психотерапевтов... Моделирование стратегий гениев... Отныне эффективность великих мастеров раскладывается на вербальные и невербальные составляющие, формализуется в виде пошаговой технологии, и после хорошей тренировки весь алгоритм может успешно воспроизвести каждый желающий, даже тот, кого природа не наделила ни даром Вирджинии Сатир, ни талантом Уолта Диснея.

Прогресс не остановишь. Можно попытаться лишь успеть за ним – как успеть вскочить в набирающий скорость поезд. И все же полезно время от времени останавливаться, оглядываться назад, осматриваться по сторонам. Ведь порой даже самые новейшие технологии на поверку оказываются «хорошо забытыми старыми», а то и незаслуженно обойденными вниманием откровениями «пророков в своем отечестве».

Моделирование искусства

Сказать о творчестве Льва Семеновича Выготского, что оно таким вниманием обделено, было бы несправедливо. Его идеи опережали современную ему науку, предвосхищая развитие таких направлений, как кибернетика и семиотика. Его творчество по сей день представляет собой неисчерпаемый клад научных гипотез. Кажется, человек этот открыл в науке столько «золотоносных жил», что их разработка будет питать еще не одно поколение ученых. И если уж говорить о *моделировании мастерства*, подразумевая под этим процессом глубокий, тонкий и остроумный анализ продуктов такого мастерства, проникновение в тайну их психологического воздействия, то и здесь, думаю, Лев Семенович был в числе первооткрывателей.

Именно таким тонким и проникновенным анализом структуры художественного творчества и была пронизана открытая мной книга. «Психология искусства» раскрывала секреты воздействия творений литературы самых разных жанров – от трагедии до басни. И секреты эти, никем не сокрытые, поддавались освоению, перенесению их на более широкий спектр жизненных контекстов!

И несколько таких секретов, сформировавших впоследствии теоретическую основу метода, тот самый «Закон басни», о котором многообещающе заявлено в заголовке, считаю необходимым, не смущаясь дословным цитированием, изложить здесь хотя бы вкратце.

«Всеобщий дедушка»

Но для начала несколько слов еще об одном мастере Слова – Иване Андреевиче Крылове, чье творчество и послужило основой для синтетического разбора ученого и сделанных им в результате открытий о природе басни и ее «законах». Не в самой ли личности художника,

изменившего наши традиционные представления о баснописце, как об обычном моралисте (пусть даже обладающем даром самого Эзопа), таилась разгадка этих тайн, ведущих и к разгадкам тайн «соломоновых» решений?

Не кажется ли удивительным тот факт, что Крылов, как это засвидетельствовано не однажды, питал искреннее отвращение к самой природе басни, что жизнь его представляла собой все то, что можно выдумать противоположного житейской мудрости и добродетели среднего человека. Это был исключительный во всех отношениях человек – и в своих страстях, и в своей лени, и в своем скепсисе, и не странно ли, что сделался всеобщим дедушкой, <...> безраздельно завладел детской комнатой и так удивительно пришелся всем по вкусу и по плечу, как воплощенная практическая мудрость².

Не о внутреннем ли конфликте, разрешившемся впоследствии открытием в себе уникального дара, сочетавшего поэтичность с глубокой прозаичностью, свидетельствуют биографы? Не о том ли поиске «соломонова решения» для примирения внутреннего противоречия прозревает ученый-исследователь? Не таким ли первопроходцем был и сам дедушка Крылов в испытании на себе открывшегося ему знания, каким стал впоследствии и сам Выготский в попытках моделирования его мастерства?

Неужели в его баснях не сказалось и это первоначальное отвращение и заглушенная страсть к драматической поэзии? Как можем мы предположить, что этот болезненный процесс перерождения в баснописца остался совершенно бесследным в его поэзии? <...> И может быть, окажется психологически небезосновательным наше предположение, что именно этот второй смысл его басен разрушил тесный горизонт идей прозаической басни, которая внушала ему отвращение, и помог ему развернуть то обширное поле драматической поэзии, которая была его страстью и которая составляет истинную сущность басни поэтической³.

Оставим вопросы и гипотезы теоретикам. Просто отдадим дань уважения Учителям и приступим, наконец, к изложению открытых ими «законов».

² Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 188.

³ Там же, с. 189.

Законы басни

Аффективное противоречие

...каково же строение той эстетической реакции, которой реагируем мы на поэтическую басню, каковы те общие механизмы психики общественного человека, которые приводятся в движение колесами басни, и каково то действие, которое при помощи басни совершает над собой человек?

(Л. С. Выготский)⁴

Исследуя природу эстетической реакции на поэтическую басню, Выготский обратил внимание, что основу ее психологического воздействия составляет наличие так называемого *аффективного противоречия*, которое наряду с противоречием логическим, проявленным, очевидным, держит читателя в напряжении вплоть до особого момента его разрешения, о природе которого в свою очередь будет рассказано подробнее.

Исследователь, на примере разбора известных крыловских басен, показывает, что основу их эффекта составляет некое *противочувствие*:

...мы видим развернутую систему элементов, из которых один все время вызывает в нас чувство, совершенно противоположное тому, которое вызывает другой. Басня все время как бы дразнит наше чувство <...> Мы одновременно сознаем и то и другое, одновременно чувствуем и то, и другое, и в этом противоречии чувства опять заключается весь механизм обработки басни.⁵

«Поляризация» позиций

Из чего же складывается это «противочувствие»? Отметим, прежде всего, эту характерную жанровую особенность, при которой упомянутая выше «развернутая система элементов» басни словно «поляризуется» на две явно выраженных противоположности, вызывающих столь разные чувства. В сюжете басни эта «поляризация» находит свое наглядное воплощение либо в наличии *двух явно антагонистичных персонажей* («Волк и Ягненок», «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Слон и Моська»), либо в более *условных противопоставлениях*:

- одного персонажа – группе, обществу («Волк на псарне»),
- одной группы – другой группе («Волки и Овцы»),
- одной, формально согласной, но фальшивящей в своей согласии группы – логике, объективности, фактам («Кукушка и Петух»),
- другой, формально рассогласованной, но единодушной в подходах к делу группы – всё той же логике, эффективности, здравому смыслу («Лебедь, Щука и Рак», «Квартет»),
- одной черты характера (например, внимания к мелочам) – другой черте характера (например, «слепоте» в оценке более масштабных явлений: «Слона-то я и не приметил!») («Любопытный») и т. д.

⁴ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 188

⁵ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 167.

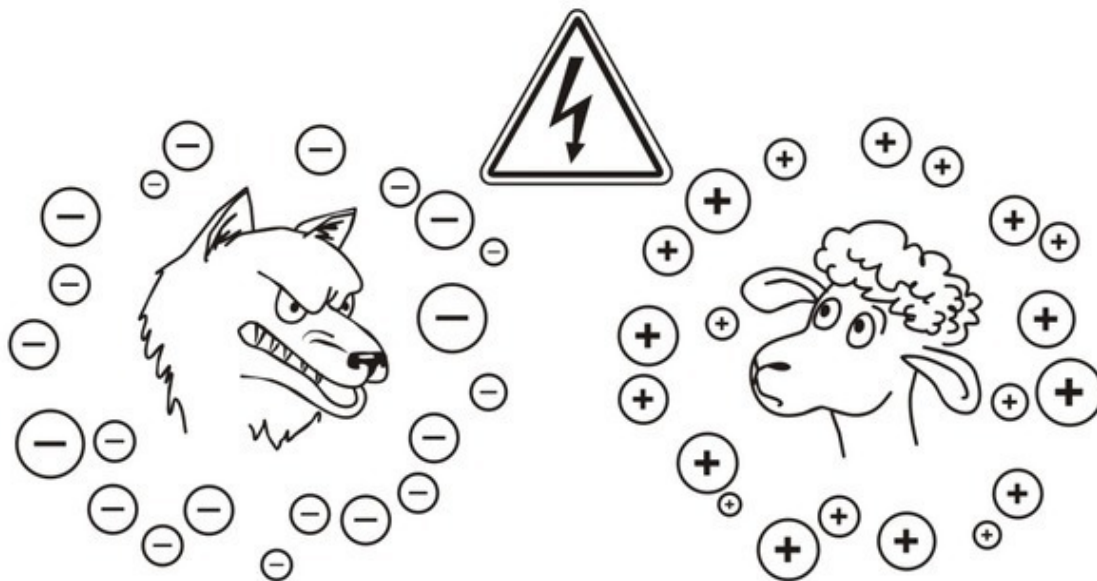

Рис. 1. Поляризация позиций.

Отметим еще раз во всем этом условном разнообразии персонажей и сюжетов эту характерную тенденцию к *поляризации* на противоположности, как исключительно важную мелочь, благодаря вниманию к которой есть шанс «приметить и слона».

Параллельные планы

И все же наличие противоречия, логического и/или аффективного, еще не достаточно для понимания работы исследуемого механизма и достижения изучаемого эффекта. Истинной поэтической басней, по мнению Выготского, басня становится только в том случае, «если поэт разовьет заключенное в ней противоречие и заставит нас на деле как бы мысленно присутствовать при этом действии, развивающемся в одном и другом плане, и если сумеет стихами и всеми стилистическими приемами воздействия возбудить в нас два стилистически противоположно направленных и окрашенных чувства и затем разрушить их в той катастрофе басни, в которой оба эти тока как бы соединяются в коротком замыкании».⁶

Что же это за «параллельные» планы, в которых одновременно развивается действие басни? Автор постоянно обращает внимание на этот особый стилистический прием, заключающийся в соединении двух смысловых планов в одном сюжетном поле басни:

Наша реакция на басню развивается все время в двух планах, причем оба плана нарастают одновременно, разгораясь и повышаясь так, что в сущности оба они составляют одно и объединены в одном действии, оставаясь все время двойственными⁷.

Очевидно, что речь – об особых условиях, в которых аффективное противоречие может развиваться до своей кульминационной точки, а именно – об условии наличия двух смысловых планов: формального и эмоционального, поверхностного и глубинного, явного и подразумеваемого. И очевидно, что обнаруженный «конфликт» чувств произрастает именно отсюда – из рассогласованности их *формальных* и *истинных* причин, определяющих эту «параллельную» логику развития явного и скрытого смыслов.

⁶ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 195.

⁷ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 195.

Вот как иллюстрирует этот стилистический прием сам Выготский на примере басни «Волк на псарне»:

С самого начала для нас ясно то стремительное нападение на волка, которое равносильно его гибели и смерти. Эта смертельная угроза, не прекращаясь ни на одну минуту, продолжает существовать все время течения басни. Но параллельно с ней и как бы над ней развивается противоположный план басни – переговоры, где речь идет о мире и где одна сторона просит заключить мир, а другая отвечает согласием, где роли героев удивительно переменились, где волк обещает покровительствовать и клянется волчьей клятвой. Что эти два плана даны в басне со всей поэтической реальностью, в этом можно убедиться, если приглядеться к той двойственной оценке, которую естественно автор дает каждому своему герою. Разве скажет кто, что волк жалок в этих величественных переговорах, в этом необычном мужестве и совершенном спокойствии? Разве можно не удивиться тому, что смятение и тревога приписаны не волку, а псарям и псам?⁸

Прием настолько сильный, что роднит басню, без всякого преувеличения, с трагедией, что особенно важно для последующих наших выводов о применимости «законов басни» к разрешению самых острых конфликтных ситуаций:

Нам думается, что впечатление от этой басни может быть названо без всяких прикрас трагическим, потому что соединение тех двух планов, о которых мы говорили выше, создает переживание, которое характерно для трагедии. В трагедии мы знаем, что два развивающихся в ней плана замыкаются в одной общей катастрофе, которая одновременно знаменует и вершину гибели, и вершину торжества героя.⁹

Пока же отметим еще раз, как важную составляющую исследуемого эффекта, условие существования двух *параллельных планов*, в которых развивается одновременно одно и то же действие с характерной двойственной логикой поведения персонажей (и с вызываемыми ею двойственными чувствами), а также с очевидной рассогласованностью формальных и глубинных *причин* этих противоречивых чувств и поведения.

Подчеркнем также, что два плана развития событий – не противоположны. Они именно *параллельны*, их соединение – искусственно, их одновременное развитие не связано истинным антагонизмом конечных целей этого развития, которые парадоксальным образом даже совпадают. При этом если на первом плане совпадение этих целей означает полный крах для одной стороны, и триумф – для другой, то на втором плане все противоположно меняется. Но об этом секрете – позже. Пока же нетрудно догадаться, что в контексте сатирической басни речь идет, прежде всего, о разнице между *прямым* и *переносным* смыслами.

⁸ Там же, с. 187.

⁹ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 186.

Рис. 2. Параллельные планы.

Проиллюстрируем эту разницу на примере басни «Волк и Ягненок». Очевидно, что диалог персонажей развивается одновременно в двух сюжетных планах: один – «натуральный», с естественным трагизмом подобной встречи животных в природе, другой – переносный, т.е. переносящий сюжет в контекст юридических препирательств «сильного» с «бессильным». «Параллельное» сосуществование обоих планов тоже очевидно: законы человеческого правосудия не применимы к законам животного мира, и наоборот.

И все же именно их искусственное соединение смысловой параллелью ведет к интересующему нас эффекту, именуемому «катастрофой» басни.

Катастрофа басни

О какой же «катастрофе» постоянно идет речь?

Под *катастрофой басни*, по аналогии с соответствующим моментом трагедии (или *шпилькой* – по аналогии с теорией новеллы), автор подразумевает тот самый момент разрешения заключенного в ней аффективного противоречия, а точнее, его полного уничтожения.

Такой катастрофой, или шпилькой, басни является заключительное ее место, в котором объединяются оба плана в одном акте, действии или фразе, обнажая свою противоположность, доводя противоречие до апогея и вместе с тем разряжая ту двойственность чувств, которая все время нарастала в течение басни. Происходит как бы короткое замыкание двух

противоположных токов, в котором самое противоречие взрывается, сгорает и разрешается. <...> В катастрофе басня собирается как в одну точку и, напрягаясь до крайности, разрешает одним ударом лежащий в ее основе конфликт чувств.¹⁰

Обычно это короткая фраза, характеризующаяся остротой и неожиданностью, которые уподобляются эффекту взрывающейся бомбы. И эта фраза (или слово) *объединяет* всю ту двусмысленность и те два плана, в которых до сих пор развивался басенный сюжет. Часто эта ключевая фраза оказывается, парадоксальным образом, составлена из двух совершенно противоположных планов басни, которые до сих пор протекали параллельно. Вот одна лишь иллюстрация:

¹⁰ Выготский Л. С. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – с. 197.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.